

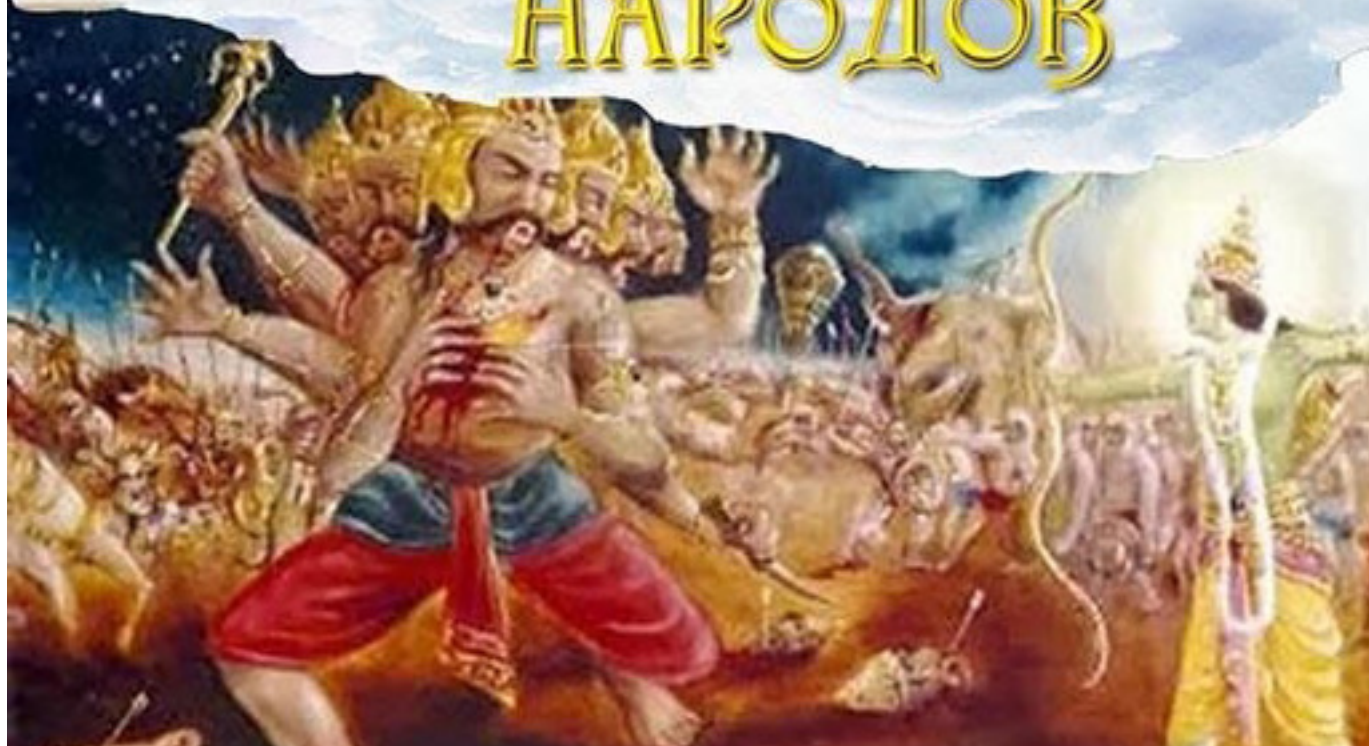
A detailed illustration of several medieval knights on horseback, engaged in a battle. One knight in the foreground is on a white horse, wearing a red surcoat and a helmet with a red plume. He is attacking a knight on a brown horse. Other knights are visible in the background, some on horseback and some on foot. The scene is set against a cloudy sky.

ТОМАС БАЛФИНЧ

ВЕК ЛЕГЕНД

Книга III

БОЖЕСТВА ИНЫХ
НАРОДОВ

Томас Балфинч
Всеобщая мифология. Часть
III. Божества и мифы народов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12045139
Всеобщая мифология. Часть III. Божества и мифы народов: Остеон-Пресс; Ногинск; 2015
ISBN 978-5-85689-095-1

Аннотация

Увлекательное изложение древнейших мифов человечества в этой книге сопровождается многочисленными примерами из мировой поэзии, что делает книгу поистине неисчерпаемым кладом цитат, афоризмов и эпиграфов на все случаи жизни. Труд Томаса Балфинча, впервые вышедший в Бостоне в 1855 г. уникален и многогранен. В нем автор ставил своей целью не только и познакомить малообразованного американского читателя с основными мифологическими сюжетами, но и показать как надо ими пользоваться, в частности на примере поэзии. Таким образом писатели, журналисты, ораторы и адвокаты в своих речах могли использовать красочные мифологические образы. Как видите, цель здесь автором ставилась сугубо практическая и весьма востребованная в обществе. Это же поставило перед российским издательством достаточно сложную творческую задачу – найти в русской поэзии соответствия многочисленным цитатам из англо-американских авторов. Надеемся, у редакции это получилось.

Содержание

От издательства	5
Глава I. Римские божества	6
Глава II. Приключения Энея	10
Глава III. Первые италийские войны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Томас Балфинч
Всеобщая мифология
Часть III. Божества иных народов

© ООО «Остеон-Пресс», 2015

* * *

От издательства

Мы продолжаем публикацию прославленной монографии Томаса Балфинча. Этот том затрагивает темы не только древнегреческой, но и древнеримской, древнеегипетской, индийской, китайской, древнеевропейской (кельтской) мифологии, конечно, несколько поверхностно для того, чтобы рекомендовать его книгу в качестве учебного пособия, но всё же достаточно талантливо для того, чтобы заинтересовать молодых людей и побудить их подробнее изучить настоящий предмет, а значит способствует развитию интеллекта и нравственности подрастающего поколения. Поскольку даже самый игривый из древних мифов содержит в себе воспитательное начало и аллегорически подсказывает человеку правильную линию поведения.

Познание мифологии иных народов позволяет нам лучше понять философию и психологию этих народов, а взаимопонимание — это самое главное, что необходимо нам в век, когда вражда и ненависть приводит нации к войнам, не сравнимыми с теми, которые бушевали во времена Балфинча.

В настоящее издание мифов и легенд включены книги «Эпоха легенд» и «Всеобщая мифология». Мы особо позаботились о том, чтобы четко следовать оригинальному тексту Балфинча, но отметим, для того, чтобы работа стала полностью завершённой, в нее дополнительно были включены некоторые разделы, которые, как надеются издатели, были бы одобрены самим автором. Они не вторгаются в его оригинальный замысел, но просто осуществляют его более детально. Раздел по Северной мифологии был расширен за счет пересказа эпоса «Песни нибелунгов» и краткого изложения вагнеровской версии легенды в его оперной тетралогии (серии музыкальных драм). Под заголовком «Героические мифы британцев» кратко изложены истории о Беовульфе, Кухулине, Гереварде и Робин Гуде. Из стихотворных отрывков, которые попадают в текст, тридцать или более были добавлены из литературы, которая появилась после Балфинча, отрывки, которые он, похоже, должен был процитировать, если бы лично контролировал новое издание.

Глава I. Римские божества

Описанные нами ранее боги и герои были отродясь древнегреческие, хотя присвоенные и римлянами и почитались ими наравне со своими божествами. Ниже мы расскажем о собственных божествах римской мифологии.

Сатурн был древнейшим италийским божеством. Его пытались идентифицировать с греческим Хроносом, и рассказывали, что после того, как его сверг Юпитер, он бежал в Италию, где правил в течение так называемого Золотого века. В память о его благотворном правлении каждую зиму в Риме проводился праздник Сатурналий. Все общественные дела приостанавливались, откладывалось объявление войны и исполнение казней, друзья делали друг другу подарки, а рабам предоставлялись великие вольности. Им устраивался праздник, на котором рабы усаживались за столом, а их хозяева прислуживали им, чтобы показать природное равенство людей, и то, что все принадлежало всем поровну во времена правления Сатурна.

Фавну, старшему сыну Сатурна, поклонялись как богу полей и пастухов, а также богу предсказания. Его имя во множественном числе, Фавны, выражало класс игривых божеств, таких как Сатиры греков.

Квирин был богом войны, и, как говорят, это был никто иной, как Ромул, основатель Рима, вознесенный после смерти на место среди богов.

Беллона – была богиней войны.

Термин – божество границ. Его статуя представляла собой грубый камень или столб, вставленный на землю, чтобы отметить границу полей.

Палес – богиня, покровительствовавшая скоту и пастбищам.

Помона покровительствовала садоводству и фруктовым деревьям.

Флора – богиня цветов.

Люцина – была богиней родов.

Богиня **Веста** (Гестия греков) покровительствовала очагу общины и дома. Священный огонь горел в Риме, в храме Весты, который поддерживали шесть девственных жриц-весталок. Так как безопасность города связывалась с сохранением священного огня, то небрежность дев, если они давали огню угаснуть, сурово наказывалась, и огонь вновь разжигали от лучей солнца.

Либер – латинское имя Бахуса, а **Мульцибер** – Вулкана.

Янус был привратником неба. Он открывал год, и первый месяц был назван его именем. Янус – охраняющее божество ворот, в связи с чем обычно его изображали с двумя лицами, потому что дверь обращена в две стороны. Его храмы в Риме были бесчисленными. Во время войны ворота главного храма Януса были всегда открыты. Во время мира они закрывались; но между правлением Нумы и Августа (то есть в течение 700 лет) закрывались они только один раз.

Пенаты были богами, которые, как считалось, заботились о благополучии дома и семьи. Их имена происходят от Пенус, кладовой, которая посвящалась им. Каждый глава семьи был жрецом пенат в своем собственном доме.

Аполлон и пастухи. С картины Кристиана Шикка

Лары также были домашними богами, но отличались от пенат тем, что считались обожествленными душами мертвых. Семейные лары считались душами предков, которые приглядывали за своими потомками и защищали их.

Слова *лемур* и *ларва* более всего соответствуют нашему слову *привидение*.

Римляне верили, что у каждого мужчины есть свой Гений, а у женщины – своя Юнона: это дух, который дает им бытие и защищает всю жизнь. В день рождения каждый мужчина приносил жертвы своему Гению, а женщина – своей Юноне.

Современный нам поэт упоминает ряд римских богов следующим образом:

«Помоне люб фруктовый сад,
А Либер тянется к вину,
Палес доволен хижинкой простой,
Но теплой от коровьего дыханья;
Венера же предпочитает шепот
Влюбленных юношей и дев и поцелуй
Под светом кремовой луны апрельской,
Под тенью вяза».

Маколей «Предсказание Каписа».

Камены

Каменами римляне называли муз, а также причисляли к ним несколько других божеств, в основном, нимф источников. Одной из них была **Эгерия**, источник и грот которой до сих пор показывают.

Говорят, что Нума, второй царь Рима, удостоился тайного свидания с этой нимфой, в котором она дала ему те уроки мудрости и законотворчества, которые он воплотил в институтах своего развивающегося народа. После смерти Нума нимфа зачахла и превратилась в источник. Байрон в «Паломничестве Чайльд Гарольда» (*Песнь IV*) так упоминает Эгерию и ее грот:

Эгерия! Таков волшебный грот,
Где смертного, богиня, ты встречала,
Где ты ждала, придет иль не придет,
И, звездное раскинув покрывало,
Вас только ночь пурпурная венчала.
Не здесь ли, в этом царстве волшебства,
Впервые в мире дольном прозвучало,
Как первого оракула слова,
Моленье о любви, признание божества.

Перевод Владимира Левики

Теннисон так же в своем «Дворце искусств» дает нам образ царственного любовника, ожидающего свидания:

Эгерия встречается с царем Нумой Помпилием. С картины Клары Лоррена

С рукой, приложенною к уху,
Шаги ее желая слышать прежде, чем увидит,
Лесную нимфу ждал этрусский царь,
Чтоб слушать речи про закон и мудрость.

Глава II. Приключения Энея

Бегство Энея

В прошлой книге мы последовали за одним из греческих героев, Одиссеем, в его странствиях по возвращении домой из Трои, а теперь предлагаем разделить судьбы оставшихся побежденных троянцев под предводительством их вождя, Энея, в поисках нового дома после разрушения их родного города. В роковую ночь, когда из деревянного коня вышли находящиеся в нем греческие воины, и результатом стал захват и поджог города, Эней бежал места разрушения со своим отцом, женой и юным сыном Асканием. Отец его, Анхис, был очень стар, чтобы идти с нужной скоростью, и Эней посадил его к себе на плечи. С такой ношей, с сыном впереди и женой позади он сделал все, чтобы выйти из горящего города; но в смятении его жена была отстала и пропала.

Эней со своим семейством покидает Трою. С картины Федерико Бароччи (1535–1612)

По прибытии на место встречи там было обнаружено множество беглецов обоего пола, которые предалась под предводительство Энея. Несколько месяцев прошло в приготовлении, и, в конце концов, они погрузились на корабли. Сначала они высадились на берегах соседней Фракии и собирались строить там город, но Энея удержало знамение. Собираясь принести жертву, он сломал несколько веточек с одного из кустов. К его испугу из места слома закапала кровь. Когда он повторил действие, голос из земли крикнул ему: «Пощади меня, Эней; я твой кровный родственник, Полидор, и был убит здесь множеством стрел, из которых вырос куст, вскормленный моей кровью». Эти слова напомнили Энею, что Полидор был молодым троянским царевичем, которого отец направил с богатыми сокровищами

в соседнюю землю Фракию, чтобы они там пребывали в сохранности подальше от ужасов войны. Царь Полиместор, к которому он был послан, убил Полидора и захватил его сокровища. Эней и его товарищи, посчитав землю, опозоренную таким преступлением, проклятой, поспешили прочь.

Затем они высадились на острове Делос, который был сначала плавучим, пока Юпитер не прикрепил его нерушимыми цепями ко дну моря. Здесь родились Аполлон и Диана, и сам остров был посвящен Аполлону. Здесь Эней посоветовался с оракулом Аполлона и получил ответ, как всегда, двусмысленный: «Ищи свою праматерь; там поселится народ Энея и подчинит все другие народы своей власти».

Троянцы слушали с радостью и сразу же стали спрашивать друг друга: «Где же это место, назначенное оракулом?». Анхис вспомнил предание, что их праотцы пришли с Крита, и они решили отправиться туда. Они прибыли на Крит и начали строить здесь город, но между ними распространилась болезнь, и поля, которые они насадили, не приносили плодов. В таком плачевном состоянии дел Эней получил во сне предупреждение покинуть страну и искать западной земли, называемой Гесперия, откуда первоначально прибыл Дардан, истинный отец троянского народа. В Гесперию, теперь называемую Италией, они и направились, но не раньше, чем после многих приключений и спустя время, достаточное для современного плавания несколько раз вокруг земли, они прибыли туда.

Сначала они причалили к острову гарпий. Это были отвратительные птицы с головами девушек, длинными когтями и лицами, бледными от голода. Они были посланы богами, чтобы мучить некоего Финея, которого Юпитер ослепил в наказание за жестокость; и когда бы еда не оказывалась перед ним, Гарпии набрасывались с воздуха и уносили ее прочь. Гарпий прогнали от Финея герои похода аргонавтов, и они укрылись на острове, где их обнаружил Эней.

Такой представлена гарпия в книге Улисса Альдрованди «История монстров». Болонья, 1642

Когда троянцы вошли в бухту, они увидели стада, бродящие по равнине. Они убили так много животных, сколько пожелали, и приготовились к пиру. Но не раньше, чем они сели за стол, в воздухе послышался ужасный шум, и стая этих гнусных гарпий набросилась на них, схватив когтями мясо с их тарелок и улетев с ним прочь. Эней и его товарищи вынули свои мечи и наносили монстрам сильные удары, но не предполагали, что они настолько проворны, что было почти невозможно задеть их, а их перья были, как доспехи, непроницаемые для стали. Одна из гарпий, сев на соседний откос, прокричала: «Так вы, троянцы, обращаетесь с нами, невинными птицами, сначала убив наших коров и потом начав войну против нас самих?»

Затем она предсказала им дальнейшие бедствия на их будущем пути, и, излив свою ярость, улетела. Троянцы поспешили оставить страну, и потом обнаружили, что плывут вдоль побережья Эпира. Здесь они высадились и к своему удивлению узнали, что некоторые троянские изгнанники, которые были привезены сюда как узники, стали правителями страны. Андромаха, вдова Гектора, стала женой одного из победивших греческих правителей, которому она родила сына. Когда ее супруг умер, она осталась править страной как опекун своего сына и вышла замуж за пленника Елена из троянского царского рода. Елена и Андромаха приняли изгнанников с полным радушием и отпустили их, нагрузив дарами.

Отсюда Эней плыл вдоль побережья Сицилии и проходил мимо страны Циклопов. Здесь они были окликнуты с берега жалким существом, которого по его изорванным одеждам, они признали за грека. Он рассказал им, что был одним из товарищей Улисса и был оставлен своим начальником, когда они спешно отплыли. Он поведал им историю приключений Улисса с Полифемом и умолял их взять его с собой, потому что не мог продолжать свое существование, питаясь лишь дикими ягодами и кореньями и живя в постоянном страхе перед циклопами. Пока он говорил, появился Полифем; ужасный монстр, бесформенный, огромный, единственный глаз которого был выколот. Он шел осторожными шагами, нащупывая путь палкой, вниз к морю, чтобы промыть глазницу водой. Когда он достиг воды, пошел к ним вброд и со своим огромным ростом мог далеко продвинуться в море, так что троянцы в страхе взяли за весла и поплыли прочь с его пути. Услышав плеск весел, Полифем закричал им вслед так, что берега ответили эхом, и другие циклопы пришли на шум из своих пещер и лесов и выстроились на берегу, как ряд высоких сосен. Троянцы налегли на весла и вскоре потеряли их из вида.

Эней был предупрежден Еленой, чтобы остерегаться пролива, охраняемого монстрами Сциллой и Харибдой. Здесь Улисс, как помнят читатели, потерял шесть человек, схваченных Сциллой, когда моряки были полностью поглощены тем, чтобы избежать Харибды. Эней, следуя совету Елена, избежал опасного прохода и шел вдоль берега Сицилии.

Юнона, видя троянцев, спешащих с попутным ветром прямо к обетованному берегу, почувствовала, что старая злоба против них ожила, ибо она не могла забыть пренебрежения, которое оказал ей Парис, присудив звание прекраснейшей другой. В душах богов могут жить такие обиды.

Таким образом, она поспешила к Эолу, владыке ветров, – тому самому, который обеспечил Улиссу попутные ветры, а противные – дал связанными в мехе. Эол послушался богини и послал своих сыновей Борея, и Тифона, и другие ветры встряхнуть океан. Начался ужасный шторм, и троянские корабли были унесены от своего курса к побережью Африки. Им грозила опасность разбиться, и они разошлись, так что Эней думал, что потерял все, кроме своего собственного корабля.

В этой беде Нептун, услышав бушующий шторм и зная, что не давал такого приказа, поднял голову над волнами и увидел, что флот Энея несет буря. Зная враждебность Юноны, он не имел сомнений на ее счет, но его ярость была еще сильнее из-за вторжения в его владения. Он созвал ветры и отпустил их со строгим выговором. Потом он сгладил волны

и очистил облака с лица солнца. Некоторые из кораблей, которые насели на скалы, он снял своим трезубцем, тогда как Тритон и морская нимфа спустили на воду другие, подняв их на плечи. Когда море успокоилось, троянцы увидели ближайший берег – побережье Карфагена, где Эней был так рад обнаружить, как один за другим прибывали его спасшиеся корабли, хотя и сильно потрепанные.

Уоллер в своем «Панегирике лорду-протектору» (Кромвелю) обращается к утихомиривающему бурю Нептуну:

Как показал Нептун волнам свой лик,
Чтобы ветры отругать и род спасти троянский,
Так вы, мой лорд, возвысились над всеми,
Чтоб бурю усмирить пустых амбиций.

Дидона

Карфаген, куда прибыли беглецы, находился на побережье Африки напротив Сицилии. В то время там была тирская колония во главе с Дидоной, их царицей, основавшей государство, которому в позднейшие эпохи было суждено быть соперником самого Рима. Дидона была дочерью Бела, царя Тира и сестрой Пигмалиона, который сменил своего отца на троне. Ее мужем был Сихей, человек безмерно богатый, но Пигмалион, который жаждал его сокровищ, предал его смерти. Тогда Дидона с большим числом друзей и последователей, как мужчин, так и женщин, бежала из Тира на нескольких судах, унося с собой сокровища Сихея. Прибыв на место, которое они выбрали в качестве средоточия своего будущего дома, они попросили у местных жителей земли лишь столько, сколько смогут покрыть одной бычьей шкурой. Когда это было им легко обещано, Дидона приказала разрезать шкуру на полоски и ими огородила значительный участок, на котором она и построила цитадель, названную Бурса (шкура). Вокруг этой крепости вырос город Карфаген, и вскоре он стал могущественным и процветающим.

Дидона встречается с Энеем. С картины Пьера-Нарцисса Пгэрина, 1815 г.

Таково было положение дел, когда сюда прибыл Эней со своими троянцами. Дидона приняла прославленных изгнанников с дружелюбием и гостеприимством. «Сама знакомая с горем, — сказала она, — я научилась помогать несчастным». Гостеприимство царицы выразилось в праздниках, на которых происходили соревнования в силе и ловкости. Чужеземцы боролись за пальму первенства с ее людьми на равных, поскольку царица заявила, что чья бы ни была победа «тройанской или тирской, ей все равно». На пиру, который последовал за играми, Эней по просьбе царицы подробно рассказал о последних событиях истории Трои и о своих приключениях после падения города. Дидона была очарована его речью и исполнена восхищением перед его подвигами. Она почувствовала жгучую страсть к нему, что же касается Энея, то он, казалось, был очень рад принять счастливый случай, который ему представился, благополучно закончить странствия и получить сразу и дом, и царство, и невесту.

Месяцы пролетели в радости приятного общения, и, казалось, что Италия и империя, которую было суждено основать на ее берегах, были забыты. Видя это, Юпитер послал Меркурия к Энею с сообщением, взывающим к чувству его высокого предназначения и приказывающим ему продолжить морское путешествие.

Эней покинул Дидону, хотя она всячески соблазняла и убеждала, чтобы удержать его. Удар по ее чувству и ее гордости был слишком сильным, чтобы она могла его выдержать, и, когда она обнаружила, что он ушел, то взойшла на погребальный костер, который приказала разжечь, и, пронзив себя, сгорела в костре.

Смерть Дидоны. С картины Питера Пауля Рубенса, 1640 г.

Пламя, поднявшееся над городом, было увидено отчалившими троянцами, и, хотя причина была неизвестна, наметнуло Энею о роковом событии.

Следующую эпиграмму мы находим в «Изыщных отрывках»:

Злосчастною была твоя судьба, Дидона,
С мужьями тебе явно не везло!
Один своею смертию изнал тебя из дома,
Второй же сам сбежав, обрек тебя на смерть.

Палинур

После посещения острова Сицилии, где правил Ацест, царевич троянского происхождения, который оказал им радушный прием, троянцы снова отчалили и держали свой путь в Италию. Теперь Венера просила Нептуна позволить ее сыну, наконец, получить попутный ветер и положить конец его бедствиям на море. Нептун согласился, затребовав только одну жизнь как плату за остальные.

Этой жертвой стал Палинур, кормчий. Когда он сидел, глядя на звезды, держа одну руку на штурвале, явился Сон, посланный Нептуном, в образе Форбаса и сказал:

– Палинур, ветер хороший, вода спокойная, и корабль плывет твердо по своему курсу. Приляг ненадолго и получи необходимый отдых. Я встану у штурвала на твое место.

Палинур ответил:

– Не говори мне о спокойном море и попутных ветрах, мы так много видели их вероломства. Неужели я доверю Энея случайностям погоды и ветров?

И он продолжал держать штурвал, а глазами неотрывно смотреть на звезды. Но Сон помахал над ним веткой, смоченной смертельной росой, и его глаза сомкнулись, несмотря на все усилия. Потом Сон вытолкнул его за борт, и он выпал; но, т. к. держал румпель, то ушел вместе с ним. Нептун помнил о своем обещании и вел корабль по его курсу без румпеля и без кормчего, пока Эней не обнаружил потерю и, глубоко скорбя о своем верном рулевом, стал вести корабль сам.

Замечательная аллюзия к истории Палинура имеется в «Мармионе» Скотта, во Введении к Песне I, где поэт говорит о недавней смерти Уильяма Питта:

С настроем твердым Палинура
Стоял он на своем посту;
Призывы отдохнуть сурово отвергая,
Держал весло слабеющею дланью,
Пока не пал в зловещую пучину
Правление страной не уступил.

Корабли, наконец, достигли берегов Италии, и искатели приключений радостно выпрыгнули на берег. Пока его люди разбивали лагерь, Эней искал жилище Сивиллы. Она жила в пещере, связанной с храмом и рощей, посвященной Аполлону и Диане. Пока Эней осматривал место, Сивилла обратилась к нему с приветствием. Казалось, она знала, с чем он пожаловал, и под влиянием гения места выплеснула поток пророчеств, дающих смутные намеки на трудности и опасности, через которые ему было суждено пройти на своем пути к конечному успеху. Она закончила обнадеживающими словами, которые стали крылатыми: «Не сдавайся перед бедами, но смелее гни свою линию».

Эней ответил, что он готов принять все, что его ждет. У него есть только одна просьба. Так как ему во сне было сказано искать жилища мертвых, чтобы посоветоваться со своим отцом, Анхизом, и получить от него откровение о его будущем и будущем его рода, Эней просил у Сивиллы помощи в том, чтобы исполнить это задание.

Сивилла ответила: «Нисхождение в Авернус просто: ворота Плутона стоят открытыми ночью и днем; но последовать туда за кем-то и вернуться в верхний мир – это тяжкий труд, это серьезно».

Она научила его найти в лесу дерево, на котором растет золотая ветвь. Эту ветвь надо было сорвать и принести в подарок Прозерпине, и, если судьба будет благосклонна, им должны уступить и отдать тело отца, но в противном случае нет силы, которая могла бы вырвать его. Если даже вырвать, другой должен будет его сменить.

Эней последовал указаниям Сивиллы. Его мать, Венера, послала двух своих голубей лететь перед ним и показывать путь, и с их помощью он нашел дерево, сорвал ветку и поспешил с нею назад к Сивилле.

Нисхождение в подземный мир – Сивилла

В начале нашей книги мы дали языческую картину мира, а теперь приближаемся к завершению и дадим обзор мира мертвых, описанного одним из самых просвещенных поэтов, который вывел свои доктрины из их самых почитаемых философов. Место, где Вер-

гилий помещает вход в это жилище, является, возможно, самым поразительно подходящим, чтобы взволновать идеи страшного и сверхъестественного перед лицом земли. Это вулканическое место около Везувия, где вся страна покрыта трещинами, из которых поднимается адское пламя, в то время как земля сотрясается, сдерживая вырывающиеся газы, и таинственные звуки исходят из недр земли.

Озеро Авернус, как предполагалось, наполняло кратер потухшего вулкана. Оно круглое, с полумиллю шириной, и очень глубокое; окружено высокими берегами, которые во времена Вергилия были покрыты темным лесом. Зловонные пары поднимаются из его вод, так что на его берегах нельзя найти жизни, и птицы над ним не летают. Здесь, согласно поэту, была пещера, в которой был вход в подземный мир, и здесь Эней принес жертвы подземным божествам: Прозерпине, Гекате и Фуриям. Затем в земле послышался рев, деревья на вершинах холмов задрожали, и лай собак обозначил приближение божеств. «Теперь, сказала Сивилла, – соберись, ибо тебе понадобится мужество». Она спустилась в пещеру, и Эней последовал за ней.

До порога в ад они прошли через группу существ, таких как Беды и Мести, бледные Болезни и меланхоличная Старость, Страх и Голод, который приводит к преступлению, Тяжелый труд, Бедность и Смерть-фигуры страшного вида. Здесь простираются логова Фурий, и Раздора, чьи волосы были из змей, завязанных кровавой лентой. Здесь также были монстры: сторукий Бриар, шипящая Гидра и изрыгающие пламя Химеры.

Смерть Дидоны. С картины Питера Пауля Рубенса, 1640 г.

Эней задрожал при их виде, выхватил меч и хотел ударить, но Сивилла сдержала его. Потом они прибыли к черной реке Коцит (Cocytus), где они нашли перевозчика Харона, старого и грязного, но сильного и решительного, который перевозил пассажиров всех родов в своей лодке: благородных героев, мальчиков и незамужних девочек, столь многочисленных, как листья, что падают осенью, или как стада, что мигрируют на юг от приближающейся зимы. Они стояли, требуя прохода, жаждущие достигнуть противоположного берега.

Но строгий перевозчик брал только тех, кого сам выбирал, отправляя остальных назад. Эней, удивляясь этому, спросил Сивиллу: «Почему такая дискриминация?» Она ответила: «Те, что взяты на борт лодки – это души тех, которые удостоились положенных погребальных обрядов; душам остальных, кто остались не погребенными, не разрешено пересечь поток, и они скитаются сотню лет туда сюда по берегу, пока, наконец, их не перевезут».

Эней загрузив, вспомнил некоторых своих товарищей, которые погибли в шторме. В этот момент он увидел Палинура, который упал за борт и утонул. Он обратился к нему и спросил о причине его несчастья. Палинур ответил, что руль был снесен, и он, вцепившись в руль, был снесен вместе с ним. Палинур очень настойчиво просил Энея протянуть ему руку и взять с собой на противоположный берег. Но Сивилла упрекнула его за это желание, столь попирающее законы Плутона; но успокоила его, сообщив, что предзнаменования побудят людей с берега, к которому будет принесено его тело, предать его должному погребению, и что мыс будет носить его имя – Мыс Палинура, которое остается за ним и сегодня.

Покинув Палинура, успокоенного этими словами, они приблизились к лодке. Харон, строго посмотрев на приближающегося воина, спросил, по какому праву он, живой и вооруженный, пришел к этому берегу. На это Сивилла ответила, что они не совершат насилия, что единственная забота Энея – увидеть отца, и, наконец, показала золотую ветвь, при виде которой Харон смягчился, поспешил повернуть лодку к берегу и принять их на борт. Лодка, приспособленная только для легкого груза – бестелесных духов, застонала под весом героя. Вскоре они были переправлены на противоположный берег. Здесь они столкнулись с трехголовым псом Цербером, шеи которого оцетинились змеями. Он лаял всеми своими тремя глотками, пока Сивилла не бросила ему волшебный пирожок, который он жадно проглотил и потом улегся в своей норе и заснул. Эней и Сивилла выпрыгнули на землю. Первый звук, который ударил по их ушам, был плач маленьких детей, которые умерли на пороге жизни, а рядом были те, кто погибли по несправедливости. Минос вершил над ними суд и изучал дела каждого. Следующей группой были самоубийцы, возненавидевшие жизнь и искавшие спасения в смерти. О, как охотно они теперь терпели бы бедность, труд и другие страдания, если бы могли вернуться к жизни! Далее находились поля печали, разделенные на уединенные дороги, ведущие через миртовые рощи. Здесь бродили те, кто пали жертвами неразделенной любви, не освобожденные от боли даже самой смертью. Среди них Эней, как ему показалось, разглядел фигуру Дидоны с раной, все еще свежей. В слабом свете она была сначала неопределенной, но когда приблизилась, он точно понял, что это именно она. Из глаз его полились слезы, и он обратился к ней с любовью:

– Несчастливая Дидона! Значит, слух, что ты погибла, был правдивым? И я, увы! тому причина? Я призываю богов в свидетели, что мое расставание с тобой было вынужденным, по приказу Зевса; и я не мог поверить, что мое отсутствие будет тебе так дорог стоить. Остановись, умоляю тебя, и не откажи мне в последнем прощании.

Она остановилась на мгновение с отвлеченным видом, глядя в землю, и потом молча прошла дальше, бесчувственная к его мольбам, как скала. Эней некоторое время шел за ней; потом с тяжелым сердцем присоединился к Сивилле и продолжил путь.

Затем они вошли в поля, где бродят герои, которые пали в битве. Здесь они увидели много теней греческих и троянских воинов. Троянцы столпились вокруг него и не могли быть довольны его видом. Они спрашивали о причине его прихода и засыпали его многочисленными вопросами. Но греки, при виде его оружия, светящегося в бледном свете, узнали героя и, исполненные ужаса, повернулись спиной и бежали, как они это делали на равнинах Трои.

Эней задержался бы дольше с троянскими друзьями, но Сивилла поспешно увела его. Далее они прибыли на место, где дорога разделялась: одна вела в Элизиум, другая – в поля осужденных. Эней увидел с одной стороны стены могущественного города, вокруг которого

Флегетон нес свои воды. Перед ним были ворота из адаманта, которые ни боги, ни люди не могли разрушить. У ворот стояла железная башня, в которой держала караул Тисифона, фурия мести. Из города были слышны стоны, звуки бичей, скрежет железа и звон цепей. Эней, пораженный ужасом, спросил свою проводницу, какие преступления совершили те, наказание которых они слышат.

Сивилла. С картины Франческо Умбертини. 1525 г.

Сивилла ответила: «Здесь находится зал суда Радаманта, который выносит на свет преступления, совершенные при жизни, которые преступник напрасно считал недоступно сокрытыми. Тисифона применяет свой скорпионий кнут и предает преступника своим сестрам-фуриям».

В это время с ужасным скрежетом железные ворота отворились, и Эней увидел пятидесятиголовую Гидру, охраняющую вход.

Сивилла сказала ему, что бездна Тартара уходит глубоко вниз, так что его окраины были столь же далеко внизу под их ногами, сколь высоко над головой небо.

На дне этой ямы повержены титаны, что воевали с богами; также Салмоней, который осмелился соперничать с Юпитером и построил медный мост, по которому вел свою колесницу, звук которой напоминал гром, бросая горящие угли в своих людей, имитируя молнии, пока Юпитер не поразил его настоящей молнией и не показал ему разницу между оружием смертных и божественным оружием. Здесь также Титий, гигант, столь огромный, что, когда он лежит, то занимает девять акров земли, в то время как гриф клюет его печень, которая зарастает снова, как только пожирается, так что его наказание никогда не окончится.

Эней увидел группы людей, сидящих за столом с изысканными яствами, тогда как около них стояла фурия, которая выхватывала пищу с их губ, как только они собирались вкушать ее. Другие видели над своей головой подвешенную огромную скалу, готовую упасть, что держало их в постоянной тревоге. Это были те, что ненавидели своих братьев, или били своих родителей, или обманули друзей, которые доверяли им, или те, кто, разбогатев, держал деньги при себе и не делился с другими; последние были самой многочисленной группой. Здесь были также те, кто нарушили брачную клятву, или бились по неправде, или были не верны своим нанимателям. Здесь был один человек, который продал свою страну за золото, а другой – извратил законы, говоря, что «сегодня» и «завтра» – это разные вещи.

Здесь был Иксион, привязанный к ободу колеса, которое постоянно вращалось; и Сизиф, которому было назначено катить огромный камень на вершину горы, но, когда вершина была почти достигнута, камень, отраженный какой-то внезапной силой, падал стремглав вниз. И снова он трудился, тогда как пот покрывал все его усталые члены, но все было бесполезно. Здесь был Тантал, который стоял в луже по подбородок в воде, но все же иссыхал от жажды, которую ничем не мог утолить, потому что, когда он наклонял свою седую голову, жаждущий пить, вода уходила, оставляя землю у его ног сухой. Высокие деревья, отяжеленные фруктами, склоняли над ним свои вершины, груши, гранаты, яблоки и ароматные фиги; но, когда он внезапным рывком пытался схватить их, ветры уносили их высоко, до куда он не мог дотянуться.

Теперь Сивилла предупредила Энея, что пришло время повернуть из этих мрачных полей и искать блаженный город. Они перешли через центральную дорогу мрака и пришли к полям Элизиума, рощам, где живет счастье. Они дышали воздухом свободы и увидели, что все покрыто пурпурным светом. В этой области были свои солнце и звезды. Обитатели наслаждались по-разному, одни – играми на траве, соревнованиями на силу и ловкость, другие – плясали или пели. Орфей ударял по струнам своей лиры и издавал восхитительные звуки.

Здесь Эней увидел основателей троянского государства, благородных героев, которые жили в более счастливые времена. Он смотрел с восхищением на военные колесницы и сверкающее оружие, теперь покоящееся в бездействии. Копья были воткнуты в землю, кони, распряженные, бродили по равнине. Прежняя гордость великолепным оружием и благородными конями, которую старые герои чувствовали при жизни, осталась с ними здесь.

Они увидели другую группу людей, которые пировали и слушали музыку. Они были в лавровой роще, откуда происходит великая река По и вытекает к людям. Здесь жили те, кто пали за свою страну, святые жрецы и поэты, которые произнесли мысли, достойные Аполлона, и другие, кто внесли свой вклад в улучшение и украшение жизни своими открытиями в полезных искусствах и оставили о себе добрую славу, оказав услугу человечеству. Они носили белые ленты вокруг лба. Сивилла обратилась к ним и спросила, где можно найти Анхиса. Они указали, где его искать, и вскоре Сивилла и Эней нашли его в зеленой долине, где он размышлял о поколениях своих потомков, их судьбах и добрых делах, которые будут

совершены в будущем. Когда он узнал приближающегося Энея, то протянул ему обе руки, и у него обильно текли слезы.

– Наконец-то ты пришел, – сказал он, – долгожданный, и я вижу тебя после таких опасностей? О, сын мой, как я трепетал за тебя, когда смотрел на твои дела!

На это Эней ответил:

– О, отец! Твой образ всегда был передо мной, вел и охранял меня.

Потом он попытался обнять своего отца, но руки заключили только бестелесный образ.

Эней увидел перед собой обширную долину с деревьями, мягко колышимыми ветром, мирный пейзаж, через который текла река Лета. Вдоль берегов потока бродили бесчисленные толпы, столь многочисленные, как насекомые в летнем воздухе. Эней с удивлением спросил, кто они. Анхис ответил:

– Это души, для которых будут даны тела в надлежащее время. Пока они живут на берегу Леты и пьют забвение своих прежних жизней.

– О, отец! – сказал Эней, – неужели возможно так любить жизнь, чтобы желать покинуть эти мирные жилища ради верхнего мира?

Такой изображена Сивилла Ливийская на фреске Микельанджелов Сикстинской капелле

В ответ Анхис объяснил план творения. Создатель, как он сказал, первоначально сделал материю, из которой состоят души, из четырех элементов: огня, воздуха, земли и воды; и когда они соединились, то приняли форму самой прекрасной составляющей, огня, и стали ПЛАМЕНЕМ. Это вещество было разбросано, как семя, среди небесных тел, солнца, луны, звезд. Из этого семени нижние боги создали человека и всех других животных, смешав огонь в разных пропорциях с землей, которой его чистота была омрачена и уменьшена. Таким образом, чем больше земли присутствует в строении, тем менее чист человек; и мы видим, что мужчины и женщины с их полными телами и душами не имеют чистоты детства. Таким образом, соразмерно времени, которое длится союз тела и души, нечистота сочетается с духовной частью. Эта нечистота может быть вычищена после смерти, что достигается проветриванием душ в потоке ветров, или погружением их в воду, или выжиганием их нечистоты огнем. Немногие, к каким, как поведал Анхис, он также относится, сразу допускаются в Элизиум, где и остаются. Но остальных, после того, как нечистота земли с них счищается, посылают обратно жить, снабдив их новыми телами; а воспоминания из прежних жизней полностью смываются водами Леты. Однако некоторые столь испорчены, что им нельзя доверить человеческие тела, и они становятся неразумными животными: львами, тиграми, кошками, собаками, обезьянами и т. д. Это то, что древние называли «метемпсихозом» или переселением душ; учение, которого до сих пор придерживаются жители Индии, которые не решаются убить даже самого незначительного животного, зная, что это может быть один из их родственников в измененной форме.

Анхис, объяснив столь многое, направился показать Энею людей его рода, кто родятся в будущем, и рассказать ему о подвигах, которые они должны совершить в мире. После этого он вернулся к настоящему и рассказал своему сыну о делах, которые ему осталось выполнить для полного обоснования себя и своих последователей в Италии. Будут войны, битвы и завоевание невесты, и в результате будет основано троянское государство, от которого должна произойти власть Рима, который станет со временем властелином мира.

Затем Эней и Сивилла покинули Анхиса и вернулись неким коротким путем, который поэт не объясняет, в верхний мир.

Элизиум

Вергилий, как мы видели, располагает свой Элизиум под землей и обозначает его как место обитания блаженных душ. Но у Гомера Элизиум не является частью царства смерти. Он находится на западе земли, близ Океана и описан как счастливая земля, где нет ни снега, ни холода, ни дождя, но она всегда обдувается восхитительными дуновениями Зефира. Туда прибывают привилегированные герои, не умирая, и живут счастливо под властью Радаманта. Элизиум Гесиода и Пиндара – это Острова Блаженных или Счастливые острова в Западном океане. Отсюда произошла легенда о счастливом острове Атлантида. Это блаженное место, может быть, полностью вымышленное, но, возможно, возникло из рассказов некоторых унесенных штормом моряков, которые увидели мельком материк Америки.

Дж. Р. Лоуэлл в одной из своих коротких поэм предьявляет современной эпохе некоторые из привилегий этого счастливого царства. Обращаясь к прошлому, он говорит:

Какой бы ни была твоя судьба,
Бросаясь в вихрь страстей эпохи нашей.
Здесь, среди суровых волн забот житейских
Плывут зеленые «Блаженства острова»,

Где духи древности седой живут
И разделяют наши тревоженья.
Ведь нынешнее движется вперед
Благодаря деяньям достославным,
Что сделаны в ушедшей мгле веков.

Мильтон обращается к той же легенде в «Потерянном рае» (Книга III, 1. 568):

Звездами издалека
Они ему казались, но вблизи
Явились как миры, как острова
Блаженные, подобные садам
Прекрасным Гесперийским, в старину
Прославленным.

Перевод Арк. Штейнберга

А в Книге II он изображает реки Эреба, согласно значению их названий в греческом языке:

Вдоль русел четырех Аидских рек,
Что в озеро пекучее несут
Погибельные струи: Стикс – река
Вражды смертельной; скорбный Ахерон,
Глубокий, черный; далее – Коцит,
Наименованный за горький плач,
Не молкнущий у покаянных вод
Его унылых; наконец, поток
Неистово кипящего огня, –
Свирепый Флегетон. Вдали от них
Беззвучно и медлительно скользит
Река забвенья Лета, развернув
Свой влажный лабиринт. Кто изопьет
Ее воды – забудет, кем он был
И кто он есть; забудет скорби все,
Страданья, радости и наслажденья.

Перевод Арк. Штейнберга

Сивиллы

Когда Эней и Сивилла возвращались назад на землю, он сказал ей: «Кто бы ты ни была: богиня или смертная, возлюбленная богами, я всегда буду тебя почитать. Когда я достигну воздуха верхнего мира, то прикажу построить храм в твою честь и сам принесу жертвы». «Я не богиня, – сказала Сивилла, – я не требую жертв и приношений. Я смертная, но если бы я могла принять любовь Аполлона, то могла бы стать бессмертной.

Он обещал исполнить мое желание, если я соглашусь быть с ним. Я взяла полную горсть песка и, протянув ее, сказала: «Подари мне увидеть столь же своих дней рождения, сколько песчинок в моей руке».

К несчастью, я забыла попросить оставить меня молодой. Это он тоже подарил бы мне, если бы я могла принять его любовь, но, обидевшись на мой отказ, он предоставил мне стареть. Моя молодость и силы утекли давным-давно. Я прожила семьсот лет, и по числу песчинок я увижу еще триста весен и триста зим. Мое тело сжимается с возрастом, и со временем я исчезну из виду, хотя мой голос останется, и будущие века будут чтить мои слова.

Эти последние слова Сивиллы говорят о ее пророческом даре. В своей пещере она записывала на листьях, собираемых с деревьев, имена и судьбы людей. Листья, таким образом исписанные, были разложены в определенном порядке внутри пещеры и могли быть изучены ее приверженцами. Но если случайно при открывании двери внутрь врывался ветер и разгонял листья, Сивилла не помогала снова их восстановить, и пророчество было безвозвратно потеряно.

Следующая легенда о Сивилле записана в поздние времена. В правление одного из Тарквиниев перед царем появилась женщина, которая предложила ему девять книг на продажу. Царь отказался купить их, и тогда женщина ушла, сожгла три книги и, вернувшись, предложила оставшиеся книги по той же цене, которую она просила за девять. Царь снова отверг их; но, когда женщина после того, как сожгла еще три книги, вернулась и попросила за три оставшиеся ту же цену, которую раньше спрашивала за девять, он был очень удивлен и купил книги. Оказалось, что в них описывались судьбы Римской империи. Их хранили в храме Юпитера Капитолийского в каменном сундуке, и изучать их разрешалось только особым чиновникам, назначенным для этого занятия, которые по важным случаям справлялись с ними и интерпретировали их предсказания людям.

Были разные сивиллы; но кумская Сивилла, о которой писали Овидий и Вергилий, – самая знаменитая из них. Сославшись на рассказ Овидия о ее жизни, тянувшейся тысячу лет, можно представить, что разные сивиллы были всего лишь реинкарнациями одного и того же человека. Янг в «Ночных мыслях» упоминает Сивиллу. О Мировой Мудрости он говорит:

Дни человека хорошего с книгами Сивилл сравнимы,
Цена их растет с уменьшением числа.

Глава III. Первые итальянские войны

Расставшись с Сивиллой и присоединившись к флоту, Эней плыл вдоль берегов Италии и бросил якорь в устье Тибра. Поэт, принеший своего героя в это место, в котором было суждено окончиться его странствиям, просит свою Музу рассказать ему о положении дел в текущий момент. Латин, в третьем поколении после Сатурна, правил страной. Он был уже старый и не имел наследника мужского пола, но у него была прекрасная дочь, Лавиния, которую искали в жены многие соседние правители, одному из которых, Турну, царю рутулов, покровительствовали ее родители. Но Латин был предупрежден во сне своим отцом Фавном, что суженый супруг Лавинии должен прийти из чужой страны. Из этого союза должен произойти народ, которому предназначено покорить мир.

Встреча Энея с Паллантом. С картины Клода Лоррейна

Наши читатели помнят, что в схватке с гарпиями одна из этих полуженщин-полуптиц грозила троянцам дальнейшими бедствиями. В частности, она предсказала, что прежде окончания странствий они будут изведены голодом настолько, что съедят свои тарелки. Это предвестие теперь исполнилось, потому что, когда люди ели свою скудную еду, сидя на траве, они положили себе в подолы твердые корки, а на них – то, что добыли в лесу. Съев последнее, они закончили поеданием корочек. Увидев это, мальчик Юл весело сказал: «Посмотрите, мы едим наши тарелки». Эней услышал эти слова и принял знамение. «О, привет, земля обетованная! – сказал он, – это наш дом, это наша страна». Потом он предпринял меры, чтобы выяснить, кто нынешние обитатели земли, и кто их правители. Сотня избранных мужей была послана в деревню Латина с подарками и предложением дружбы и союза.

Они пришли и были благосклонно приняты. Латин сразу же решил, что троянский герой был никем другим, как обещанным зятем, о котором известил оракул. Он радостно согласился на союз с ним и отправил обратно посланников верхом на конях из его конюшен, нагруженных дарами и дружественными донесениями.

Юнона, видя, что дела у троянцев идут столь успешно, почувствовала, что ее старая злоба ожила, вызвала Алекто из Эреба и послала ее возбудить раздор. Фурия сначала овладела царицей Амадой и побудила ее противодействовать всяческим образом новому союзу.

Потом Алекто поспешила в город Турна и, приняв образ старого жреца, сообщила ему о прибытии чужеземцев и о попытках их принца украсть у него невесту. Потом она обратила свое внимание на лагерь троянцев. Здесь она увидела мальчика Юла и его товарищей, забавляющихся охотой.

Она обострила нюх собак и повела их вспугнуть из чащи ручного оленя, любимчика Сильвии, дочери Тиррея, царского пастуха. Копье, брошенное рукой Юла, ранило животное, и у него хватило сил только на то, чтобы прибежать домой и умереть у ног своей госпожи. Ее крики и слезы разбудили ее братьев и пастухов, и они, схватив оружие, которое попало под руку, бешено напали на охотников. Тех защитили их друзья, и пастухи в конце концов были отражены, потеряв двух человек.

Этих событий было достаточно, чтобы поднялась буря войны; и царица, и Турн, и селяне – все убеждали старого царя изгнать чужеземцев из страны. Он сопротивлялся так долго, как мог, но, найдя свое противостояние безрезультатным, наконец, сдался и ушел в отставку.

Ворота Януса открываются

В Римской стране был обычай, что, когда должна была начаться война, главный судья, одетый по форме, с торжественной помпой открывал ворота храма Януса, которые оставались открытыми, пока длился мир. Теперь народ требовал у своего царя исполнить торжественный обряд, но он отказывался сделать это. Пока они спорили, Юнона сама, спустившись с небес, толкнула двери неодолимой силой и распахнула их. Сразу же вся страна оказалась в огне. Люди устремились в сражения, живя только одной войной.

Турн был признан всеми как вождь; другие присоединились как союзники, главой которых был Мезенций, храбрый и умелый солдат, но отвратительно жестокий человек. Он был правителем одного из соседних городов, но его народ прогнал его. С ним был его сын Лаус, добрый юноша, заслуживающий лучшей участи.

Камилла

Камилла, любимица Дианы, охотница и воительница, по примеру амазонок пришла со своим отрядом конных последователей, включая женщин, и воевала на стороне Турна. Эта девушка никогда не приучала свои пальцы к прялке или ткацкому станку, но училась сносить военные труды и в скорости опережать ветер. Казалось, она могла бежать по колосящемуся полю, не помяв его, или по поверхности воды, не погружая ног. История Камиллы особенная с самого начала. Ее отец, Метаб, бежал из своего города от городского раздора, унося с собой при побеге свою маленькую дочь. Когда он убегал через лес, а враги следовали за ним по пятам, то достиг берега реки Амасен, которая, разбухнув от дождей, казалось, не давала прохода. Он остановился на мгновение, потом решил, что делать. Он привязал дочь к копыю лыком коры, и, приготовив оружие в своей поднятой руке, так обратился к Диане:

– Богиня лесов! Я посвящаю тебе эту девочку, – и потом бросил оружие со своей ношей на противоположный берег.

Копье перелетело через ревущую воду. Его преследователи были уже за ним, но он прыгнул в реку и переплыл ее, и нашел копье со спасенной наследницей на другом берегу.

Потом он жил среди пастухов и воспитывал свою дочь в лесных искусствах. Когда она была ребенком, то научилась обращаться с луком и копьем. С помощью рогатки она могла подстрелить журавля или дикого лебедя. Ее одеждой была тигровая шкура. Многие матери искали ее в невестки, но она сохраняла верность Диане и отвергала мысль о замужестве.

Эвандр

Таковыми были грозные союзники, которые воевали против Энея. Однажды ночью он лежал и спал на берегу реки под открытым небом. Бог реки, Отец Тибр, казалось, поднял свою голову над волнами и сказал:

– О, богорожденный назначенный судьбой властелин латинского царства, это твоя обещанная земля, тут должен быть твой дом, здесь закончится вражда небесных сил, если только ты будешь верить и упорствовать. Друзья не далеки. Подготовь свои лодки и езжай вверх по течению; я приведу тебя к Эвандру, аркадскому правителю, который долго боролся с Турном и рутулами и готов стать твоим союзником. Вставай! Принеси обеты Юноне и уменьши ее гнев. Когда ты достигнешь победы, подумай обо мне.

Эней проснулся и сразу же повиновался дружественному видению. Он принес жертву Юноне и призвал бога реки и всех его притоков оказать ему помощь. Потом впервые судно, полное вооруженных воинов, поплыло по Тибру. Река сглаживала свои волны и наказывала своему потоку течь спокойно, тогда как приведенное в движение сильными ударами весел судно быстро несло вверх по течению.

Около полудня они прибыли туда, где увидели разбросанные строения молодого города, где в будущем вырос гордый город Рим, чья слава достигла небес. Случилось так, что в тот день старый царь Эвандр проводил ежегодные торжества в честь Геркулеса и всех богов. Паллант, его сын, и все правители маленького государства были рядом. Когда они увидели высокий корабль, скользящий около леса, то были встревожены и поднялись из-за стола. Но Паллант запретил прерывать торжества и, схватив оружие, вышел на берег реки. Он громко воззвал, спрашивая, кто они и какова их цель. Эней, протянув оливковую ветвь, ответил:

– Мы троянцы, ваши друзья и враги рутулов. Мы ищем Эвандра, чтобы предложить ему соединить наше оружие с вашим.

Паллант, удивившись, услышав столь громкое имя, пригласил их сойти на землю и, когда Эней причалил к берегу, схватил его руку и долго держал в дружеском пожатии. Пройдя через лес, они присоединились к царю и его компании и были очень благосклонно приняты. Для них были приготовлены места за столами, и предложена трапеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.